

НА КУШЕТКЕ
У ПСИХОТЕРАПЕВТА

ПСИХОАНАЛИЗ
ОСЛЕПИТЕЛЬНОЙ
БЛОНДИНКИ

Имя:
Фамилия:
Псевдоним:
Мужья: Монро
Дата рождения:
Годы жизни:
Тем личности:
Меланхолия
Пример обращения:
неверность в себе,
депрессия,
попытка суицида
Диагнозы:
паранойальная
шизофрения

**МЭРИЛИ
МОНРО**

Алма Х. Бонд
**Мэрилин Монро. Психоанализ
ослепительной блондинки**
Серия «На кушетке у психотерапевта»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7161407
Мэрилин Монро. Психоанализ ослепительной блондинки : АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-084839-3*

Аннотация

По официальной версии Мэрилин Монро покончила жизнь самоубийством. В психиатрии есть даже термин «Синдром Мэрилин Монро». Что же случилось с самой красивой женщиной XX века?

Действительно ли постоянные мысли о приближающейся старости, неудовлетворенность работой привели актрису к депрессии, злоупотреблению алкоголем, наркотиками и снотворными? Эта женщина намного глубже созданного ей образа.

В один из самых сложных периодов своей жизни Мэрилин Монро посещала психоаналитика. Эта книга – реконструкция тех сеансов и самая честная биография актрисы.

Содержание

Часть 1	4
Вступление	4
2 февраля 1959 г	5
3 февраля 1959 г	10
6 февраля 1959 г	12
9 февраля 1959 г	15
10 февраля 1959 г	19
11 февраля 1959 г	22
12 февраля 1959 г	23
13 февраля 1959 г	25
16 февраля 1959 г	27
17 февраля 1959 г	28
18 февраля 1959 г	29
19 февраля 1959 г	31
20 февраля 1959 г	32
22 февраля 1959 г	34
24 февраля 1959 г	35
25 февраля 1959 г	36
27 февраля 1959 г	39
2 марта 1959 г	41
3 марта 1959 г	43
2 марта 1959 г	46
3 марта 1959 г	49
4 марта 1959 г	50
5 марта 1959 г	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Алма Х. Бонд

Мэрилин Монро. Психоанализ ослепительной блондинки

С любовью посвящаю моей дочери, доктору Джанет Бонд Брилл, которая настояла на том, чтобы я написала эту книгу.

Когда я возразила, что уже сотни книг написаны о Мэрилин Монро, Джанет сказала просто: «Но твоя будет отличаться!»

Также посвящается моему замечательному зятю, Сэму Брилли, за почти безграничную щедрость ко мне.

Часть 1

На кушетке у психоаналитика

Вступление

Я – доктор-психоаналитик Дарси Дейл с Пятой авеню в Нью-Йорк Сити. Я вела частную практику в течение тридцати семи лет и хочу рассказать вам о самой красивой, известной, сложной и загадочной пациентке в моей долгой и успешной карьере. Ее лечение – не та работа, которой я больше всего горжусь, и мне бы хотелось повторить этот опыт, чтобы исправить собственные ошибки. Но рассказ об этом случае, возможно, позволит мне по-иному взглянуть на человеческую психику и эмоции и более успешно бороться за спасение других отчаявшихся душ.

В основу этого повествования положены мои собственные записи сеансов психоанализа с моей пациенткой. Я взяла за правило, особенно с некоторыми из моих клиентов, в конце каждого дня записывать на диктофон как можно подробнее основные моменты наших встреч. Иногда отчеты были длинными, временами короткими, в зависимости от того, сколько времени у меня оставалось в тот день для диктовки. В моих отчетах я не записывала сказанное моими пациентами и мной во время традиционных 50-минутных сеансов или свои мысли и размышления, а только то, что считала самым важным.

2 февраля 1959 г

В обычный зимний день 1959 года моя секретарша Ривка Рубен сообщила, что внесла в мое расписание вводный сеанс с новой пациенткой, ожидавшей в приемной. Ривка рассказывала мне об этом со странным выражением лица, какого я никогда не видела у нее прежде.

Заинтригованная, я поинтересовалась:

– Какое впечатление эта женщина произвела на вас, Ривка?

Помедлив с минуту, она ответила:

– Признаться, я не заметила в ней чего-то особенного. Ее зовут Норма Джин Мортенсон. Это застенчивая миниатюрная женщина, без макияжа, в безвкусном старомодном платке на голове. На самом деле «безвкусица» это подходящее слово для ее описания. Она не похожа на тех элегантных пациентов, которых вы привыкли видеть.

«Прекрасно, – подумала я, – меня утомили гламурные дамы из Верхнего Ист-Сайда, основной проблемой которых являлся выбор дизайнера интерьера для очередного ремонта дома. Может быть, эта пациентка внесет некоторое разнообразие».

Поблагодарив секретаршу кивком головы, я вышла в приемную и сразу поняла, что Ривка имела в виду. Маленькая женщина, сидевшая там, действительно не производила особого впечатления, и я бы не удивилась, узнав, что она чья-то служанка или няня, отправленная на терапию сострадательным работодателем.

Она увлеченно читала журнал, на обложке которого была фотография великой киноактрисы и секс-символа Мэрилин Монро.

Приблизившись, я протянула ей руку:

– Добрый день, г-жа Мортенсон. Рада с вами познакомиться.

Женщина подняла глаза, и, к моему удивлению, с ней произошла полная трансформация. Я как будто увидела превращение доктора Джекилла в мистера Хайда. Казалось, внутри нее неожиданно включился свет, как если бы под ее кожей находился радиоактивный источник. Ее образ, жесты, поведение – действительно все в ней изменилось. Она смотрела и двигалась как другой человек: ослепительный взрыв магнетизма и сексуальности, каких я не видела никогда раньше. Пальто, от которого отказалась бы даже Армия спасения, упало с ее плеч, и бабушкин платок соскользнул на пол, открывая солнечные светлые локоны, напоминавшие нити белого золота. Она буквально светилась.

Женщина вскочила и схватила мою протянутую руку.

– Ах, благодарю вас, доктор Дейл, – сказала она жизнерадостно, – я давно хотела встретиться с вами, но слишком боялась записаться на прием. Моя хорошая подруга, Паула Страдберг, сказала, что вы единственный человек в мире, который может спасти мою жизнь. О, и называйте меня Мэрилин.

Ее прекрасное лицо выражало волнение, а синие, васильковые глаза сверкали как алмазы. Узкое белое трикотажное платье подчеркивало необыкновенной красоты фигуру. Она выглядела значительно моложе тридцати трех лет, указанных в ее анкете. В этот момент я поняла, кто стоит передо мной, и увидела собственными глазами актрису, которая очаровала весь мир. Когда она сбросила свой камуфляж, никто не смог бы не узнать эти потрясающие лицо и тело.

Через мгновение ко мне вернулось самообладание, и я предложила:

– Пройдите в мой кабинет, мисс Монро, и расскажите, почему необходимо спасти вашу жизнь.

Я остановилась у двери кабинета и жестом пригласила женщину войти.

– Ах, нет, доктор, – отступив назад, сказала самая знаменитая в мире актриса, – после вас.

Последние несколько месяцев мне приходилось нелегко. Я тосковала по своему мужу, который умер в прошлом году. Он был успешным актером театра и кино, хотя главным образом прославился своими характерными ролями.

Возможно, работа с этой уникальной женщиной смягчит боль потери. А что, если она слишком обеспокоена и я не смогу ей помочь? Вдруг из-за ее красоты и известности у меня не получится быть объективной? Может быть, это самое важное, чтобы кто-то с готовностью взял на себя часть того огромного стресса, с которым потенциально готовый к самоубийству пациент обращается к врачу? Представляете себе заголовки газет? «Мэрилин Монро, пациентка психоаналитика Дарси Дейл, покончила жизнь самоубийством». Это как раз то, что нужно для моей профессиональной репутации!

Как бы то ни было, зачем мне брать проблемного пациента, когда до выхода на пенсию осталось несколько лет? Пусть другой аналитик – кто-нибудь молодой и не страдающий от тяжелых личных потерь – несет на себе всю тяжесть этой страшной ответственности. В свои лучшие дни я долго и упорно работала с очень тяжелыми пациентами и спасла немало жизней. Возможно, пришло время, чтобы немного расслабиться.

Половина моей жизни прошла в этом кабинете, и я любила в нем каждую мелочь. Глубокого орехового цвета панели были сняты с большого корабля, поднятого со дна моря. Я годами искала резную обшивку для кабинета и наконец нашла ее на аукционе Сотбис. Мой изумительный стол красного дерева был приобретен в Армии спасения в первые годы моего брака. Я потратила тридцать пять долларов на его покупку и двести – на полировку.

Мои превосходные книжные полки орехового цвета двадцать лет назад украшали стены библиофила с Парк-авеню. Сейчас на них стояли ежегодники, начиная с 1951 года до сегодняшнего дня, а также аккуратно расставленные по зеленым коробкам тома ежеквартального психоаналитического обозрения и огромные пачки психоаналитических журналов.

Мои нижние полки трещали под тяжестью публикаций, посвященных моему основному увлечению – биографии звезд кино, в том числе Кэри Грант, Ингрид Бергман, Джоан Кроуфорд, Бетт Дэвис, Марлона Брандо, Кэтрин Хепберн и Спенсера Трейси. Каждую свободную от работы минуту я уделяю своему хобби, моим многострадальным детям и написанию книг.

Есть кое-что, в чем я должна признаться. В подростковом возрасте я страстно хотела стать киноактрисой, и только многочисленные неудачные прослушивания на Бродвее заставили меня сдаться. Чтение биографий современных звезд тешило мои юношеские амбиции. Было бы интересно, подумала я, заглянуть в душу и узнать о жизни настоящей звезды кинематографа, а может быть, даже соприкоснуться с ореолом славы Мэрилин.

Окажется ли Мэрилин Монро дорогим украшением для моего любимого офиса или покончит с собой в конечном итоге, и я буду вздрагивать даже от мысли выйти за его порог?

Вот самая известная киноактриса в мире, которая собирается войти в мой кабинет из приемной. Я сомневалась. Не помешает ли моя страсть к кино лечению великой звезды? Я не могла знать, но твердо решила попробовать.

Я одернула светло-голубое шерстяное платье от Бедгдорфа, поправила ожерелье из мелкого жемчуга, подаренное мне моим покойным мужем, пригладила свои длинные каштановые волосы, собранные в низкий свободный пучок, и, как мне казалось, с королевским достоинством прошла в двойные звукоизолированные двери.

Мэрилин последовала за мной и, осмотревшись вокруг, захлопала в ладоши, как обрадованный ребенок.

– Ах, как красиво! – воскликнула она, обходя комнату и разглядывая все вокруг.

Если бы я уже не решила для себя принять ее в качестве пациентки, то определенно сделала бы это сейчас. Обычно пациенты полностью поглощены своими собственными про-

блемами и даже не замечают того, что их окружает. Но эта женщина знала, как добиться моего расположения.

– Как приятно находиться во врачебном кабинете, который не выглядит как морг! – продолжала она, изучая широко открытыми глазами окно-витраж.

Мне нравился мой витраж, привезенный вместе с рамой из старой деревенской церкви, которой теперь нет и в помине. Вечно поющие птицы на переплетенных ветвях, усыпанных цветами, украшали мой офис более двадцати лет. Глубокие красные, зеленые и синие оттенки напоминали мне великолепные витражи Шартра. Однажды мне сказали, что, возможно, мой витраж был изготовлен самим Тиффани¹, но я никогда не искала этому подтверждений, вероятно не желая лишиться фантазии, что я – владелица Тиффани.

В моем рабочем кабинете были и другие сокровища. Портрет, привезенный с Гаити, с изображением плачущей женщины, в темно-синих и насыщенных красных тонах, висел над кушеткой. Он был очень ценным для меня – подарок давно скончавшейся подруги.

Восточные ковры, которые я лично привезла из Китая и Индии, выдержанные в таких же ярких оттенках. Кушетка для пациентов, четвертая за мою карьеру психоаналитика, недавно обтянутая гобеленом Лоры Эшли, с винно-синим узором.

Я покачала головой. Если бы она с восхищением говорила о моей внешности, моих статьях, книгах или моей славе в сообществе психоаналитиков, я бы только отмахнулась, мне постоянно приходится слышать подобные вещи. Но она обратила внимание на единственное, что не могло меня оставить равнодушной, – мой витраж «от Тиффани». Эта женщина была неотразима.

– Спасибо вам, Мэрилин, – поблагодарила я, стараясь скрыть мое удовольствие. Ликующий взгляд ее огромных голубых глаз доказывал, что мне не удалось ее провести. – Пожалуйста, присядьте и расскажите, что привело вас сюда сегодня.

Ее лицо вытянулось, и она снова стала похожа на ту женщину, которую я недавно встретила в приемной.

– Ах, это необходимо? – спросила она с улыбкой маленькой милой девочки. – Я бы с большей охотой посмотрела на ваши прекрасные вещи и узнала, где можно приобрести такую красоту.

– Может быть, в другой раз, – ответила я.

Проигнорировав мое замечание, она продолжала ходить по комнате и остановилась перед книжными полками.

– Ой, как много книг! Можно взять что-нибудь почитать?

– Это тяжелая для понимания литература.

Ее лицо снова напряглось.

– Я просто хотела узнать, о чем эти книги. Я не окончила даже среднюю школу, хотя всегда любила поэзию.

Я поняла, что обидела и расстроила ее. «*Надо быть осторожнее с этой женщиной*», – подумала я.

– Нам предстоит ответственная работа. – Я использовала соответствующую профессиональную интонацию.

Она окинула взглядом мебель в комнате, выбрала кушетку и осторожно присела на нее.

– Насколько я поняла из ваших слов, ваша жизнь находится в опасности. Это правда?

¹ Луис Комфорт Тиффани (англ. *Louis Comfort Tiffany*, 1848–1933, Нью-Йорк) – американский художник и дизайнер, представитель модерна. Международное признание Тиффани принесли его изысканные изделия из стекла: витражи, абактуры, бижутерия.

Мэрилин кивнула и сидела молча так долго, что я забеспокоилась, собирается ли она отвечать вслух. Наконец она начала говорить, произнося слова так медленно, что я едва могла понять, о чем она говорила:

– Я часто в... д-д-д-депрессии, такой глубокой... я не знаю, смогу ли я жить дальше. Такое чувство, как будто она всегда со мной и никогда не исчезнет. Мир вокруг меня покрыт мраком, как будто огромный пылесос взорвался передо мной и наполнил воздух грязью. У меня нет причин, чтобы вставать по утрам, и если бы мне не нужно было ходить в ванную, я бы оставалась в постели весь день. Часто я так и делаю. Я не могу больше так жить. Вы можете помочь мне, доктор? В противном случае у меня не будет другого выхода, кроме как убить себя.

Я была потрясена. Как кто-либо мог бы ответить на такой вопрос? Я с состраданием смотрела на нее и молчала. Она сделала паузу, показавшуюся мне вечностью. Я ждала, затаив дыхание.

Затем, к моему облегчению, она оживилась и спросила:

– Ну, доктор, о чем мне рассказывать?

– Начните сначала, – подсказала я.

Мэрилин изменила позу, и по ее быстрым, грациозным движениям и порозовевшему лицу было видно, что ее настроение снова изменилось. Она радостно сияла, как обычно, на экране.

Мэрилин с удовольствием начала свой рассказ:

– Роды у моей мамы принимал доктор Герман М. Бир, 1 июня 1926 года, в благотворительной палате центральной больницы Лос-Анджелеса. Мне известно об этом только то, что он сказал, когда я встретила его несколько лет назад и спросила, как проходило мое рождение: «Мэрилин, я вынужден вам сказать, что вы выглядели так же, как все дети при рождении». Я думаю, это был последний раз, когда я была такой же, как все.

Я улыбнулась. словно почувствовав, что мне нравится ее чувство юмора, она добавила:

– Я родилась при очень печальных обстоятельствах. Оба мои родителя были сильно опечалены.

На этот раз я не улыбнулась, но снова подумала, что мне следует быть осторожнее. Она попытается превратить свой психоанализ в комедийное шоу. Казалось, обладая даром предвидения, она сразу стала более серьезной.

– Моя мать, Глэдис Бейкер Мортенсон, работала в то время скромным киномонтером в консолидированной кинокомпании, соединяла кадры фильмов для голливудских студий в производственной лаборатории. Жизнь встретила меня двумя весомыми ударами. У меня была сумасшедшая мать, и не было отца, который мог бы помочь растить меня, любить и защищать от безумия матери. Мало того что она была сумасшедшей, я никогда не чувствовала, что нравлюсь ей, не говоря уже о любви ко мне, – рассказывала Мэрилин. – Она всегда была холодной и сдержанной. Не помню, чтобы она когда-нибудь брала меня на руки или целовала меня. На самом деле она вообще никогда не интересовалась мной. Однажды, пытаясь произвести на нее впечатление, я сказала, что, когда вырасту, стану кинозвездой. Она просто посмотрела сквозь меня холодными, как сталь, глазами и ничего не ответила.

«Бедный ребенок», – подумала я.

Мэрилин продолжала говорить о своем отце, который, возможно, был персонажем еще более печальным, чем ее мать.

– Хотя в моем свидетельстве о рождении моим отцом указан второй муж Глэдис, Эдвард Мортенсон, она всегда говорила, что на самом деле я родилась от С. Стенли Гиффорда, вместе с которым она работала в кинокомпании. Он бросил Глэдис после того, как она сказала ему о своей беременности. Не удивительно, что всю жизнь у меня были про-

блемы с мужчинами. Если мой собственный отец сбежал, прежде чем увидел меня, чего я могу ожидать от посторонних мужчин?

Я была полностью согласна с ней, восхищаясь ее пониманием, и решила, что она, возможно, станет очень хорошей пациенткой.

– Когда я была совсем маленькой, – продолжала она, – я заметила фотографию мужчины, висящую на стене в кухне. На фото был красавец с тонкими усами, как у Кларка Гейбла. Я спросила маму, кто это. Она сказала, что это фотография моего отца. В это мгновение моя жизнь изменилась навсегда.

– У меня есть отец, у меня есть отец, у меня есть отец! – кричала я кому-то, кто мог бы меня услышать. – Это великий Кларк Гейбл! Это неправда, что я не такая, как все! Ни у кого из других девочек нет отца-кинозвезды. Поэтому я – лучше, чем любая из них!

До сих пор я представляю себе, что моим отцом был этот замечательный актер. Я мечтала о нем по ночам, обнимая подушку и фантазируя, что это Кларк Гейбл, рассказывала моим одноклассникам, что я дочь кинозвезды. Самым большим потрясением в моей жизни было бы участие в одном фильме с ним. Это одна из причин, почему я так упорно работаю над своим актерским мастерством. Когда мы будем работать вместе, я хочу, чтобы он думал обо мне как о великой актрисе. Может быть, он даже женится на мне. Или удочерит!

Я вновь не смогла сдержать улыбку. Мне тоже всегда нравился Кларк Гейбл, и я вышла замуж за человека, похожего, как мне казалось, на него усами и вообще.

– Вы когда-нибудь встречались с Гиффордом? – спросила я, надеясь вернуть ее к реальности.

– Нет, – ответила она с сожалением. – Когда я была подростком, я набралась смелости поговорить с ним по телефону. Ответила какая-то женщина. Я сказала:

– Я – Норма Джин, дочь Глэдис Бейкер, позовите к телефону мистера Гиффорда, пожалуйста.

Женщина ответила:

– Не стесняйтесь позвонить его адвокату, – и повесила трубку.

Когда я стала известной кинозвездой, мне позвонил человек, назвавшийся Гиффордом. Он сказал:

– Я умираю, Норма Джин. Мне бы хотелось встретиться с вами перед смертью.

Я ответила:

– Не стесняйтесь позвонить моему адвокату, – и повесила трубку.

Я не могла не засомневаться, действительно ли умирающий Гиффорд звонил Мэрилин. Но независимо от того, так это было или нет, очевидно, что милая Мэрилин Монро могла быть очень мстительной. Я надеялась, что мне никогда не придется испытать это на себе.

Я встала и произнесла:

– Я сожалею, но нам придется прерваться сейчас, Мэрилин. Увидимся в следующий раз, если вы позаботитесь, чтобы назначить следующую встречу.

Она смотрела на меня разъяренно, собирая свои вещи и поднимаясь с кушетки. «Хорошо, что взгляд не убивает», – подумала я.

3 февраля 1959 г

Мэрилин действительно записалась на другой сеанс на следующий день и сразу же продолжила рассказ о своей матери с того места, где остановилась в прошлый раз:

– Через две недели после моего рождения в благотворительной палате моя дорогая мама, Глэдис Перл Бейкер Мортенсен, не смогла убедить свою мать взять внучку на попечение и передала меня в приемную семью.

Я ахнула, питая надежду, что она не услышала меня. Брошена в двухнедельном возрасте! У бедного ребенка никогда не было шанса.

– Я была ошибкой. Моей матери ребенок был не нужен. До сих пор каждый д-д-день я м-м-мечтаю, чтобы она любила меня. Я не шутила, сказав, что моя мать сумасшедшая. Когда мне исполнилось семь лет, ей поставили диагноз «параноидальная шизофрения» и поместили в государственную психиатрическую больницу, где она провела большую часть своей жизни. На самом деле она и сейчас находится там.

Мэрилин, возможно, услышала мое невольное восклицание, потому что она добавила:

– Но она не отказалась от меня совсем. До того как ее забрали в институт, она приходила и проводила со мной выходные в приемной семье, водила меня на пляж или в кинотеатр. Мы обе любили кино. Хотя мне неприятно вспоминать об этом, когда я была маленькой, я с нетерпением ждала ее. Чего еще может хотеть сирота? Я отчаянно ждала ее каждую неделю.

Глэдис всегда говорила, что собирается купить нам дом, где мы будем жить, как все другие семьи. Прошли годы, и я осознала, что мы никогда не будем вместе. И я перестала ждать ее. Что хорошего могли принести ее визиты, если она никогда не собиралась быть мне матерью? Мне становилось только хуже, когда она уходила. Кажется, именно тогда я поняла, что она была лгуньей, и разлюбила ее. С тех пор я не верила никому. Тогда я решила, что, если у меня когда-нибудь будет маленькая дочка, я всегда буду говорить ей правду, независимо от того, насколько это тяжело. Я могу принять все, если это правда.

Один из сотрудников рекламного отдела киностудии «Двадцатый век Фокс» сказал, что он никогда не слышал, чтобы я лгала. Меня это порадовало, потому что если я не я, то кто я? Но моя репутация искреннего человека иногда приносит мне неприятности. Когда я расстраиваю кого-то, высказывая честно свои мысли, а потом пытаюсь сгладить ситуацию, они думают, что я лицемерю. Мне приписывают слова о том, что мне не нравится давать интервью журналистам-женщинам. Но я никогда не говорила ничего подобного. Возможно, я делала глупости, но я не глупая. На самом деле я действительно говорила, что я предпочитаю мужчин-репортеров, потому, что мне интереснее с ними общаться.

К счастью или к сожалению, у меня есть своего рода упрямство. В интервью мне не хочется всем репортерам говорить одно и то же. Я хочу каждому из них рассказать что-то новое, чтобы мои поклонники не чувствовали себя обманутыми и не думали: «А, я знаю это! Зачем она повторяет то же самое снова и снова?»

Кроме того, я никогда не позволю опубликовать в журнале о кино статью, утверждающую, что она написана Мэрилин Монро. Дело в том, что когда я была маленькой девочкой, я фанатично изучала такие журналы, и часто мое поведение зависело от слов, произнесенных кинозвездами. Но, оказывается, редакторы меняют многое из сказанного в интервью. Я не хочу каким-либо образом влиять на молодых девушек, если не могу быть уверена, что написано действительно то, что я говорила.

То же самое относится к мнению, что я забавная. Люди считают, что у меня отличное чувство юмора. Они не понимают, что я просто говорю правду. Джордж Бернارد Шоу сформулировал эту мысль лучше: «Мой способ шутить состоит в том, чтобы говорить правду. Это – самая забавная шутка в мире».

Она была права. Мысленно перебирая ее опубликованные интервью, я понимаю, что все они представляют собой просто невинный способ говорить правду. Например, один журналист спросил ее:

– Что вы надеваете, когда ложитесь спать?

Она ответила:

– Шанель номер пять.

Всему миру известно, что Мэрилин Монро спит обнаженной.

Когда я взглянула на часы, я сообразила, что час давно прошел. Это было весьма необычно для меня. Пациенты говорили, что по времени начала и окончания моих сеансов можно выставлять часы. Но я была так очарована рассказом Мэрилин, что потеряла счет времени. Надо быть внимательнее, подумала я. Психоаналитик должен быть объективным всегда!

Я поднялась и сказала:

– Время прерваться.

Она оставалась неподвижной несколько долгих мгновений с растерянным выражением на лице. Затем самая прекрасная женщина в мире молча встала и надела на голову свой старомодный платок. Я вновь стала свидетелем удивительного превращения. Как будто свет внутри нее неожиданно погас. И неприметная маленькая женщина, которую я впервые увидела в приемной, молча скрылась за дверью.

6 февраля 1959 г

«Какая Мэрилин придет сегодня? – подумала я, выходя в приемную, чтобы поприветствовать ее перед третьим сеансом. – Будет ли она искрящейся, светлой, невероятно красивой женщиной, которую знает весь мир, или невзрачным маленьким созданием, которое можно принять за бродяжку? По крайней мере, с этой пациенткой не соскучишься!»

Мэрилин на этот раз была где-то посередине.

– Здравствуйте, доктор, – начала она, направляясь к кушетке, – мне действительно помогают эти психоаналитические сеансы. Я хотела бы продолжить рассказ о моей жизни, если вы не возражаете.

– Конечно, я хочу знать о вас столько, сколько вы желаете мне поведать.

Показалось мне или нет, что ее лицо немного посветлело?

– На чем я остановилась в прошлый раз? – спросила она. – Кажется, я говорила о своем разочаровании в моей дорогой матери. Ах да, я сказала, что росла в приемных семьях, десяти или, может быть, двенадцати. В некоторых я жила дольше, другие устали от меня за короткое время. Вероятно, я их раздражала.

«О боги, – подумала я, – удивительно, что она не попала в психбольницу со своей матерью!»

– Моим первым и самым важным приютом, – продолжила она, – была семья Уэйна Болендера, куда моя мать определила меня на первые семь лет моей жизни.

У меня вырвался вздох облегчения. По крайней мере семь лет она прожила в одной семье. Но моя радость за нее не продлилась долго.

– Моя мать передала меня Иде и Уэйну Болендерам в городе Хоторн, штата Калифорния, через две недели после моего рождения. Нет, подождите секунду. Насколько я помню, тогда мне было всего двенадцать дней. Ида и Уэйн Болендер жили в удобном шестикомнатном бунгало, которое я помню очень хорошо. У них было немного денег, поэтому они увеличивали свои доходы, принимая чужих детей на воспитание.

Должна признать, что жизнь выдала Глэдис проигрышный набор карт. Ее муж-мерзавец не только оставил ее, но и похитил ее первых двух детей. Она так и не смогла вернуть их. Меня бы это тоже свело с ума. Таким образом, справедливости ради надо заметить, что ей ничего другого не оставалось, как отдать меня, не из-за психологических проблем, а финансовых. Она была вынуждена вернуться к работе на киностудии для того, чтобы содержать нас. У нее был длинный рабочий день, с восьми утра до восьми вечера, и не было никого, кто мог бы позаботиться обо мне. Она платила Болендерам пять долларов в неделю, наверное, половину своей заработной платы, чтобы они ухаживали за мной.

Каждую субботу Глэдис приезжала на троллейбусе в Хоторн навестить меня. В первые годы я отчаянно ждала ее каждую неделю. Однажды она не приехала, и я простояла перед окном, дожидаясь ее, до самой ночи. Ида пыталась увести меня и сказала:

– Норма Джин, твоя мать не приедет сегодня. Ты должна поужинать.

– Нет, нет! – кричала я. – Она приедет. Подождите и увидите.

Она продолжала дергать меня за плечо. Но я держалась за стену ногтями до тех пор, пока огромный кусок штукатурки не упал мне на руки.

– Ты плохая девочка, Норма Джин, – сказала Ида и ударила меня по лицу.

Мэрилин прикоснулась рукой к щеке, мокрой от слез, и, вздрогнув, добавила:

– До сих пор больно.

Мэрилин описала Болендеров как глубоко религиозную пару, которая вела комфортную жизнь, обычную для низшего слоя среднего класса, в бедном пригороде Лос-Анджелеса.

– Дом все еще стоял, когда я привезла туда моего первого мужа Джима, чтобы показать его, хотя название улицы изменилось с «Род-Айленд-авеню» на «Западный Хоторн». – Мэрилин засмеялась.

Ида Болендер, как оказалось, была суровой, эгоцентричной женщиной, настойчиво прививавшей свои убеждения Норме Джин. Ида заставила пообещать маленькую девочку, что она никогда не будет курить, пить или ругаться, и настаивала на том, чтобы она посещала церковь несколько раз в неделю, если не хочет попасть в ад. Ей даже не разрешалось ходить в кинотеатр.

– Мы набожная семья, которая ходит в церковь, а не в кино, – постоянно повторяла Ида. – Ты знаешь, что произойдет, если конец света застанет тебя в кинотеатре? Ты будешь гореть в аду вместе с другими плохими людьми.

– Я была сообразительным ребенком, и спустя некоторое время у меня возник вопрос: если Ида права, хватит ли в аду места для пепла от всех кинотеатров во всем мире?

Я никогда не могла угодить моей приемной матери. Я не соответствовала ее стандартам чистоты и поведения и всегда попадала в какие-то неприятности. Как многие дети, я любила играть в грязи. Ида одевала меня в красивую чистую одежду и отправляла играть на улицу. Двадцать минут спустя я возвращалась домой в испачканном грязью платье. Ида сердилась и отвешивала мне оплеуху или две в качестве наказания за «плохое поведение».

Я не думаю, что это такой уж страшный проступок для девочки, не правда ли, доктор?

– Разумеется, нет, Мэрилин, – отозвалась я, – это совершенно нормальное поведение для маленького ребенка. – Внутренний свет снова включился, и лицо Мэрилин озарила очаровательная улыбка.

По мнению Мэрилин, одна из ее приемных сестер, Нэнси Джеффри, считала, что, несмотря на жестокость Иды, она оказала положительное стабилизирующее влияние на Мэрилин, так как Ида научила своих приемных детей любить Господа и друг друга и дала Норме Джин единственную прочную опору в жизни, которая помогла ей добиться больших успехов в карьере. Без нее Мэрилин Монро никогда не смогла бы стать звездой, которой она была. Ида говорила Нэнси, по крайней мере, как вспоминала Мэрилин:

– Я знаю, что жестоко обращалась с Нормой Джин, но я поступала так для ее блага. Было ясно, что ее ждет тяжелая жизнь, и я хотела подготовить ее к ней. В глубине души я уверена, что правильно воспитывала ее.

Со временем Норма Джин приспособилась к строгости Иды.

– Когда она делала мне выговор, я кивала, скрестив пальцы у себя за спиной, – вспоминала с улыбкой Мэрилин.

Чтобы избежать наказания, эта маленькая, очень умная девочка научилась скрывать от Болендеров свое желание петь, танцевать и изображать вымышленные образы, а также тайком бегала в кинотеатр всякий раз, когда это было возможно. Кроме того, будущая Мэрилин Монро нашла свой собственный уникальный способ борьбы со скукой в церкви – сексуальные фантазии.

– Я расскажу вам о них после того, как узнаю вас лучше, – смеясь, пообещала Мэрилин. – В конце концов, возможно, вы думаете так же, как Ида Болендер?

«Хмммммммм, – подумала я. – Не слишком ли рано говорить Мэрилин, что она путает меня с Идой, что это она была жесткой и эгоистичной, а не я? С одной стороны, мне нужно, чтобы Мэрилин развивала позитивный перенос, при котором она почувствует, что я на ее стороне. Переносом называется проецирование пациентом качеств, имеющих отношение к значимым персонажам его прошлого, на психоаналитика. Такой процесс должен развиваться для того, чтобы пациенты продолжали посещать сеансы, при этом анализ не должен становиться для них слишком болезненным.

Но я также знала, что в конечном итоге мне придется иметь дело с негативным переносом, чтобы помочь Мэрилин понять, что это Ида была эгоисткой, а не я. Какую дорогу следует выбрать на перепутье? Я не знаю».

Так что я произнесла только:

– Хм-м. – Что еще я могла сделать?

9 февраля 1959 г

Войдя в кабинет, Мэрилин начала на явно негативной ноте:

– Это были длинные выходные, доктор! Как будто целая неделя прошла.

Затем она продолжила рассказ мне о Болендерах. Еще до того, как появилось выражение «мама-домохозяйка», Ида все свое время посвящала заботе о доме, своем родном сыне и нескольких приемных детях. Уэйн работал почтальоном, которому посчастливилось сохранить работу во время Депрессии. Он получал небольшой доход, и подрабатывал печатью религиозных брошюр для распространения среди членов своей церкви.

Мэрилин считала, что, хотя супруги Болендеры придерживались одних и тех же взглядов на жизнь, они не были близкими людьми. Они редко общались друг с другом и если разговаривали, то, как правило, потому, что Ида критиковала мужа за какое-нибудь мнимое прегрешение или пыталась заставить его сделать работу, которую он, очевидно, не хотел выполнять.

«Как это прискорбно, что у Мэрилин не было случая увидеть счастливую супружескую пару, которая могла бы послужить моделью для союза, который она могла бы попытаться создать когда-нибудь в будущем», – подумала я.

Тем не менее она заботилась об Уэйне, который был довольно приятным и дружелюбным парнем.

– Я как сейчас вижу его большие плечи, с огромными почтовыми сумками, – рассказывала Мэрилин задумчиво, – обычно он носил в кармане конфеты, чтобы задобрить собак. Иногда он давал мне немного.

Но иногда он был просто страшным. Когда я становилась, по его мнению, слишком шумной, он спускал мои трусы и, прижимая к себе, стегал меня своим кожаным ремнем с огромной серебряной пряжкой. Я никогда не забуду эти ужасные удары и рубцы, которые оставались на моих голых ягодицах. Мне приходилось есть стоя по нескольку дней. У моей попы до сих пор повышенная чувствительность. Но тогда я любила Уэйна. Что я понимала? Я думала, что так поступают все отцы: наказывают своих детей, чтобы преподать им урок. Вы наверняка знаете ту старую историю: «Мне от этого больнее, чем тебе».

«Не удивительно, что она так извивается при ходьбе», – пришло мне в голову. – Странно, если подумать, что мир должен поблагодарить Уэйна Болендера за то, что он подарил нам самую сексуальную походку в истории кино».

Потом я подумала разгневанно: «Как он мог? У этого человека не было сердца?» Как, за какой-то воображаемый проступок, он мог терзать беспомощную маленькую сироту, о которой обязан был заботиться? Несмотря на то что прошло столько лет, следует расследовать это преступление и приговорить виновного к тюремному заключению. Кроме того, я не могла отделаться от мысли, что, возможно, маленькая Норма Джин уже тогда была соблазнительной, и Уэйн Болендер получал сексуальное удовольствие, избивая ее. Мне стало стыдно за такие мысли. Была она соблазнительной или нет, ничто не могло оправдать злоупотреблений Уэйна. Ему платили за опеку над ней, и ничто не давало ему право плохо обращаться с девочкой.

Те пять долларов в неделю, которые им платила Глэдис, мать Мэрилин, позволили Болендерам избежать разорения, от которого пострадало большинство американцев во времена Великой депрессии. Я подозревала, что Норма Джин оставалась частью их семьи так долго, в значительной степени из-за дохода, который она приносила, а возможно, и для сексуального удовлетворения, которое ее приемный отец получал, избивая ребенка.

Если так, то это не вся история. Но возможно, несмотря на всю их суровость, Болендеры по-своему любили Норму Джин и хотели удочерить ее. Но редкие проявления мате-